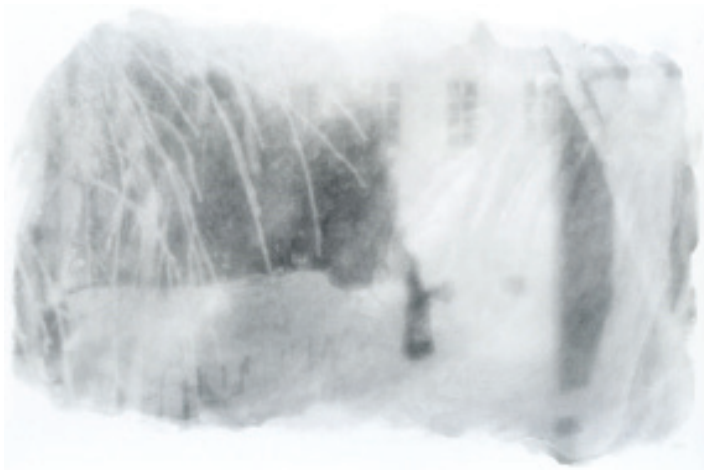

ЧАСТЬ

12

в этой части...

Как мы пришли в монастырь
Аня и Алла
Нас судит мир
Еще об одном обете монашества
Севастийские мученики
О рождении в Духе
Дети
Почему вы меня не любите?
Мальчишки
Наша школа
Расписание
Привидения
Мы играем
Мы прыгали... в запредельное
Мы учимся
Перед лицом смерти...
Благословение
И опять проблемы...
Взросление
Великая ложь Нового Времени
Заключение

Как мы пришли в монастырь

Всегда с любопытством задают вопрос: как вы пришли в монастырь? Мало среди нас тех, кто мог бы сказать: я пришла в монастырь, имея в виду – разумно, осознанно... Скорее, мы не пришли, а ворвались, долго оправляясь от внезапного шока.

- Как, в монастырь? – с изумлением оглядывались по сторонам. И, как после кораблекрушения выкинутые на неизвестный остров, так и мы обнаружили, что остров не простой, в нем множество тайн духовной жизни. И раскрываются они для твоего же блага по мере душевных усилий: молитва в храме, послушание как нечто новое и вводящее тебя в другую

реальность жизни, совместный быт монашеской общинки...

Но некоторые приходы сестер сродни рассказам классиков о похищениях, побегах и т.д. И вот почему. Наши мамы - это уже поколение,

выросшее в атеистической стране. Поэтому их страдание, что дочери «с ума сошли», т.е. в Бога поверили, носило не менее трагический характер. Может быть, даже и более, потому что в своей травме они оставались в одиночестве, отвергая и детей и помощь Божию.

По рассказу одной сестры, когда ее семья переехала в Якутию, в 4-м классе учительница сказала, что «Бога нет. Придумали жрецы». До этого и она молилась, и мама тоже. Когда пришла из школы, то мама кротко спросила:

- Как вас учат, есть Бог или нет?

- Да нет, жрецы придумали, - с горечью сказала дочь, и вера пропала.

Но каждая судьба сестер имеет свою отмеченность Богом и постепенное узнавание этого призвания. Так было и с этой сестрой.

- Умираю, - через несколько лет в болезни скорбела она. - Если останусь жива, то жизнь Богу посвящу.

И сразу нашлись рядом те, кто помог, и в руках оказалось маленькое Евангелие. Запомнились слова: «кто друг этому миру, тот враг Богу».

- Если выживу, то пойду в монастырь, - созрело уже твердое решение. И как будто этого признания небеса и ожидали. - Я сразу заснула, и вскоре поправилась.

Но для мамы это было ударом.

Как-то она увидела, что дочь стала читать вечерние молитвы. Земля разверзлась под ногами - такое пережила мать. До этого все было устойчиво, а сейчас? Она вырвала у нее Молитвослов и рассердилась:

- Ты что, как бабки, еще молиться будешь?

Боль материнского сердца из-за непонимания, что случилось с дочерью, вырывалась в страдании:

- Куда ты пошла? Что вы из нее сделали? Заколдовали что ли? – кричала она по телефону сестрам монастыря.

Все мамы боролись за «спасение» своих дочерей. Кто более бурно, кто менее, но психические атаки обрушивалась, и одна из мам для подкрепления заявила в милицию.

- Смотрите, - сказала она отряду милиционеров, которые пришли по вызову, - что они сделали с девчонкой! Старым стало скучно, девчонку завер-

бовали. Колени в синяках, поклоны делает!

- Ну и что, наши деды тоже поклоны делали, - с равнодушием ответили милиционеры и ушли, не найдя состава преступления.

- Ты мне не дочь! – в последнем всплеске отчаяния закричала мать.

Здесь я хочу успокоить читателей. В поведении сестер не было пренебрежения к родным, особенно к матери, или желания просто настоять на своем. Был невероятный страх потерять то чудо, которое они увидели в монастырской жизни. И это их желание, в конце концов, послужило ко благу всем родным. Как вы думаете, где сейчас наши добрые и любящие мамы? У некоторых сестер уже в нашем монастыре.

Усердные и трудолюбивые, нам приходится их останавливать: отдохните, это можно и завтра сделать, - они постигают Божественную Премудрость, обучаясь и молитве и покаянию!

Почему важно вспомнить эти трагические страницы их жизни?

Как две стихии столкнулись два представления о жизни – матери и дочери. И в разворачивании этой борьбы крепла вера сестер, начинали прозревать и наши мамы.

Милостию Божией, при верности дочерей своему призванию, и мамы обрели веру и утешение, что их дочери не «с ума сошли», а прозрели в нечто больше.

А теперь, о сестрах...

Какой образ монаха создается в наше время?

Я бы нарисовала две горы. С одной, как в весеннее время, начинает нестись поток талой воды, смешиваясь с камнями и землей и своим бешеным ревом поднимаясь до другой горы, по

которой испуганно, видя неуправляемую стихию, карабкается вверх монах, а грязные потоки воды уже стремятся настигнуть и... сорвать с места подвига.

Не внешнее благополучие отстроенных монастырей является свидетельством их успешности.

Старец, выслушивая в исповеди все падения мира сего, часто шутит:

- Кто написал «На дне»? Вот и я на дне падений человеческих.

Свидетельством успешности монашества является «сошествие на «дно» и изведение из него падших покаянием.

Так действуют старцы, восшедшие на вершину христианских добродетелей. Имя ей – любовь.

Наша задача, начинающих и находящихся в послушании старцу монахов, - в переорганизации сознания. Это не слепое доверие мнимым чудесам, а настраивание сердца на очень честное общение с Богом и людьми, рождение духовного чутья, которое проверяется старцами, перенесение жизненных интересов вглубь себя для выполнения заповедей Божиих: блаженны нищие духом...

А что мешает увидеть цельность монашеской жизни?

Аня и Алла

Есть хорошая поговорка: *человек предполагает, а Бог располагает.*

Некоторые предполагают, что смогут жить в монастыре, но не справляются, как, например, Аня.

Очень скромная, с большими голубыми глазами, она вызывала в нас неподдельный интерес: неужели еще такие есть? Казалось, что времена расступились, и она появилась из какого-нибудь XVII века, но явно не из нашего XX-го. На самом деле, и в ней восторжествовала все та же болезнь именно нашего века: СЛЕПОТА, т.е. не видение внутренней брани и неведение необходимости борьбы с помыслами.

За этими словами кроется глубокая тайна постижения того миропорядка, в котором мы живем. «Бог борется с диаволом, а поле битвы – сердце человека» - кратко сформулировал Ф.М. Достоевский опыт Святых Отцов. Но почему-то первое восприятие этих слов сводится к возвышенному удивлению: так вот оно как! Да, действительно, где-то это и происходит, но первое ощущение - помимо нас.

Потом рождается прозрение, что в этой битве много от меня зависит, как я решу, с кем я? Но когда приходит знание, что именно каждую минуту своей жизни ты должен быть во внимании и видеть, что происходит, и не терять понимания - с

кем бороться и как! – и своего ложного мнения или привязанности не ценить выше Той Правды, которая откроется с помощью Божией, - тогда жизнь становится осмысленной. Если мы сами, собственным усилием не начнем разбирать: что в нас и от кого, - мы никогда не войдем в Небесный Град!

Так и наша Анна не смогла даже начать прорываться в это видение. Хотя с детства она бежала в храм, с детства мечтала стать невестой Христовой, и в монастырь пришла в порыве мечтания. Но первые шероховатости насторожили. Аня замкнулась. Взгляд становился все более непроницаемым, а мы-то думали, что все в порядке! Но она так и не поняла, что надо «учиться отказывать себе, отсекаать помыслы» - это рабочая программа монашества, и перед отъездом сказала одной сестре:

- Я что-то в себе убила, - и уехала из монастыря.

Поэтому порывы влюбленности далеки от работы металлурга, который целый день стоит у плавильной печи, в жару, в поту, в невероятной усталости - вот некое подобие труда монаха над своей душой! И наша Аня упорхнула в XXI век, а мы-то размечтались, что восстанет еще один монах служить Церкви Христовой, забыв, что не зря народ сложил поговорку: «Без труда не вынешь и рыбку из пруда»!

А другая сестра, Алла, немного прожила в нашем монастыре еще в самые первые годы после его открытия, но среди той антисанитарии и ужаса

разрухи, с которых мы начинали, смогли остаться только «неземные», и она уехала в Иерусалим, и ее приняли в монастырь Марии Магдалины. Он тогда относился к Зарубежной Церкви.

Каково же было наше удивление, когда на праздник Дней Славянской письменности и культуры в воротах монастыря мы увидели Аллу. Она приехала с Берлинским архиепископом Марком после знаменательного Объединения Русской и Зарубежной Церкви.

- Не могли бы вы уделить мне несколько минут? – обратилась Алла, теперь уже в монашеском постриге с другим именем. Пока она спрашивала, я вспомнила ее веселый, но ироничный характер.

- Я уехала из монастыря по своей воле. Много лет прожила в другом монастыре, но, вспоминая, бранилась на какие-то порядки. Потом как-то надолго заболела, и начала сильно молиться, и мне было вразумление: *пока я не попрошу прощения за то, что сбежала из монастыря и бранилась, я не смогу дальше развиваться в духовном плане.* Простите меня.

Мы очень обрадовались. Вот это да! Сам Господь поправил, восставил и исцелил. Жаль, что мы были очень заняты и не удалось поговорить подольше. Но от всей души желаем ей помощи Божией на многая лета монашеского служения.

Нас судит мир

Нас осуждают и мирские люди:

- Они сняли хороший фильм? Да что вы?

Это просто реклама, а сами они не такие, - это «умная мысль» экскурсовода из турагентства.

- Они пришли в монастырь? Они просто в миру увидели «предел своих внутренних возможностей»...

Осуждение сразу делает слепым. Оно убого и далеко от светлого состояния христианской любви, когда для ближнего (ради Бога) уже ничего не жалко, даже жизни своей.

Оно вросло и в нас. И надо спешить, уходя от мутных потоков греховных помыслов.

Однажды наш добрый знакомый, фотограф Георгий Колосов, спросил, не я ли написала книгу «Плач третьей птицы», потому что она анонимно издана с обозначением, что автор – монахиня Н. Просмотрев ее, я ужаснулась.

Вот уж действительно, собрано такое множество выпадов против монашества, а также против каких-то конкретных представителей, что складывается мнение, что все монахи - либо дураки, либо преступники, и, в самом деле, стрелять бы их надо! Только для кого эта книга, писала ведь настоятельница какого-то монастыря? И вероятно, порывы были благие?

И стало как-то грустно.

Почему бы ей не рассказать о своем собственном опыте жизни? О своих трудностях?

Можно ли пользоваться информацией из СМИ или даже из книг о неизвестных людях, да еще анонимно ее пересказывать?

Почему бы не встретиться с теми, о ком она пишет? Если может, то помочь советом, или обличить в глаза, если считает что-либо недопустимым? Так ведь заповедует Евангелие! Может быть, картина была бы совсем другая? Вместо фантазии создан бы образ живого человека, ищущего и падающего, хотя всем известно, что силен Бог восставить и падающего!

Даже несколько доброжелательных строк об опыте нашего монастыря и то лишены основательности. Как будто у нас хобби такое: «ученье – свет», ради этого и прослушали «простые беседы о нравственности», а сами – как были груздем, так груздем и остались...

Какой-то элемент несоответствия действительности закладывался и нашим образованием. Много читали, много судили, а вот желания увидеть реального человека за всем этим не было. Плохо выверенные факты, увлеченность своим красноречием, и ради красного словца, тонут «обличаемые» в совершенно не свойственном им литературном вымысле, от него же нас избави! Я не берусь разбирать многие места в этой книге, к которым есть ряд даже догматических возражений. Мы готовы к диалогу, только в честной ситуации.

И еще, хотелось бы действительно избежать, даже совсем не касаться этого больного, но разрастающегося и мощного в своих

подземных потоках сознания, мира сплетен!

Хотя многие пытаются «реабилитировать» сплетни:

«они занимают заметное место в жизни людей, и люди с упоением им предаются», более того, именно сплетни создают особо «доверительные отношения между людьми», и даже не так важны «новости», как «определенная коммуникация между людьми», а также у сплетен есть еще особая функция «социального контроля над элитой»...*

**Из интервью Радиоклуба: «Говори, говори».*

Разговор о монашестве для многих очень непонятен. Только он не должен быть на уровне сплетен. Боязнь, что все уйдут в монастыри, смешна. Опыт показывает, что те, кто, действительно, соответствуют идеалу и призванию монашеской жизни – просто замечательные люди, с которыми тепло, светло и рядом быть хочется.

Их не так много.

Миру бы кричать: идите хоть кто-нибудь в монашество, тогда нам всем легче будет, потому что монах – молитвенник за мир, а молитва, как известно, и реальная социальная сила! Вспомним, как молитва Святых в труднейших ситуациях спасала Отечество!

Если писать о монашестве, то для того, чтобы найти точки соприкосновения с мировыми проблемами антропологии, чтобы то знание, которое обретается в монастыре, помогло бы и тем, кто страдает и ищет в миру, и они бы

избавились от лавины греховных помыслов и дел. Тогда понятнее, что мы ищем. Мы ищем правды о себе, о мире, о Боге. И если бы нам удалось как-то современно сказать об этом миру!

Мы сами идем этим путем в монастыре. И просим: как сердце научить действовать в светлой реальности? Благословение Божие и опыт Святых определили три направления становления, они называются обетами. Итак, монахи в монастырях дают обеты целомудрия, послушания, нестяжания.

О послушании и нестяжании мы уже кратко говорили, а вот о целомудрии, это сделать, наверное, труднее всего.

Еще об одном обете монашества

Природе свойственно быть при родах. Природе свойственно рождать, продолжая род. Нерождение рода ведет к прекращению рода, вымиранию, к нарушению плана Божия о даровании жизни природе.

Справедливо недоумение мира: не является ли монашество нарушением природы? Почему они не рожают, отклоняя план Божий о себе?

Очень хотелось бы ответить на этот вопрос, но не будем спешить. Каждый призван в монашество особым благословением, и каждый идет своим путем познания этой тайны.

Например, про митрополита Филарета сказано, что «он очертил себя чертою, за которую никого не пускал». Спрашиваю у батюшки, правильно ли это? Потому что сразу вырастает лес

подсказок, как надо было прожить тому или другому... Простите за дерзость. Батюшка ответил:

- Есть хорошие слова: «Святым даны свои пути». Их нельзя объяснить, они даны только им, и этому нельзя подражать. Да, говорят, что митрополит Филарет был холодным человеком, да, он отстранился от всех, чтобы сохранить себя. Но так его Господь благословил, а подражать этому не надо. Это его путь... Мы часто хотим все объяснить. К праведному Иову приходили друзья и хотели объяснить, почему он страдает, а что получилось? Не надо объяснять, а надо принимать и благодарить...

Спасибо батюшке за доброе слово.

Природа человека двойственна, она отличается от мира растений и животных, в ней есть еще одна ипостась, это – наша душа, вечная и разумная. Те, кто в своем познании поднялись над гордой уверенностью правоты только мыслей человеческих и вошли в доверие к Откровению, знают, что душа наша тоже должна быть при родах, иначе она мертва, и в этом она нарушает план Божий о даровании жизни человеку, чтобы жить вечно!

Какой замечательный диалог в Евангелии о духовном рождении!

- Если кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия! – сказал Господь.

Слово «свыше» при переводе с греческого на славянский имеет еще и смысл «снова», видимо, именно так понял Никодим: если кто не родится снова...

Но его возражение было вызвано не тем, что он якобы не понял, о чем говорит Христос. Понятие – родиться снова, возродиться – были известны Никодиму: язычников, принимавших закон Моисея и обрезание, называли новорожденными; а также снова рожденными называли «переходивших на путь истинный от нечестивой, порочной жизни». Но, по мнению Никодима, для фарисеев возрождение просто не нужно, «истинные сыны Авраама, ревностные фарисеи, не нуждались в таком перерождении». Вот чем вызвана его насмешка:

- Как может человек родиться, будучи стар? Неужели может он в другой раз войти в утробу матери своей и родиться?

И все-таки именно ему, фарисею, Христос говорит о необходимости нового рождения, чтобы вступить в Царство Мессии. Этот разговор имел значение не только для заблуждающихся учителей Израилевых того времени, этот разговор – вневременной:

- Истинно, истинно говорю тебе: если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие.

Крещение водою «только готовило к возрождению, но не возрождало человека.

Поэтому, для полноты крещения, как возрождения,

необходимо,

помимо крещения водою и предварительно-го покаяния,

еще и сошествие Святого Духа;

тогда только совершается то духовное перерождение, которое открывает доступ в Царство Божие»* - вот о чем стал говорить ему Господь.

И для нас, христиан, это уже очень понятные слова:

- «Царство Небесное не похоже на царства земные, хотя и учреждается на земле,
- Это духовное Царство, не плотское, поэтому для вступления в него надо родиться духовно, а не плотию».*

**Б.И. Гладков. Толкование Евангелия. Санкт-Петербург, 1913. с.140*

Но Никодим не понимал такого духовного возрождения, именно поэтому его мысль изобретает невозможное, якобы повторное плотское рождение от своей же матери. На что Господь и сказал, если бы такое было возможно, то «оно было бы бесполезно для вступления в Царство Мессии, так как было бы опять плотским, а не духовным»: Рожденное от плоти есть плоть, а рожденное от Духа есть дух.

Узнав наконец, что для вступления в Царство Мессии нужно перерождение духовное, возрождение силою Духа Святаго, Никодим все-таки не понимал, как действует Дух и в чем именно видимом, осязаемом, проявляется Его действие:

Не удивляйся тому, что Я сказал тебе: должно нам родиться свыше.

Говоря о действии Духа Святаго, Господь сравнивает его с действием ветра:

мы не знаем, где образуется ветер, откуда приходит;

не знаем, где он кончается, куда уходит;
однако, не отвергаем существования ветра и его действия только потому, что мы его не видим.

Так же действует и Святой Дух: когда начинается Его возрождающее действие, и как Он действует, этого видеть нельзя, но из-за этого и нельзя отвергать то, что Он действует,

потому что сам человек чувствует, что в нем совершается возрождение:

Дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит: так бывает со всяким, рожденным от Духа (Ев. Иоанн. 3, 3-8).

Для нас в этих словах есть еще предостережение, что Дух Святой настолько чуток, что как только мы соглашаемся с нечистыми помыслами, то Он уходит, и не знаешь, куда уходит.

Поэтому и монашеству чужда успокоенность фарисеев, потому что *Дух дышит, где хочет...*

И в то же время понятнее становятся слова о послушании: послушание – это знание своего пути, пути к духовному обновлению и возрождению, и на этом пути особенно непонятен для многих (мирских людей) вопрос о целомудрии. К нему мы и обратимся, вспомнив житие сорока мучеников...

Севасти́йские мученики

За окном – зима. Сегодня особенно мрачно и холодно. Сильный ветер сбивает с ног бегущих на послушание сестер. Запланированную поездку на подворье пришлось отложить. И вдруг удивление. Да ведь в такой же холодный день «сорок мучеников Севасти́йских, раздев донага, поставили на льду посреди озера». И как же было трудно им, чувствуя угасание жизни в себе, духом не терять «жизни», веруя и совершая подвиг!

«Ночью от мороза и сильного ветра тела воинов обледенели, а на берегу топили баню: на случай, если кто не выдержит и захочет отречься, чтобы сразу мог и согреться в этой бане».

Не правда ли, коварная «заботливость»? И сыны тьмы тут мастера, но только в одном они преуспели.

«Один из воинов в первом часу ночи не выдержал и, бросив своих товарищей, пошел к бане, но как только он с мороза очутился в тепле, так сразу «оттаял» и пал замертво.

Святые же мученики молили Господа укрепить их. В третьем часу ночи заблестал над ними теплый свет, настолько теплый, что растопил лед. В это время вся охрана спала, кроме тюремного сторожа по имени Аглаий. Он слышал их молитвы и размышлял про себя, как это тот, прибежавший из холода в тепло, умер, а эти, на таком морозе стоя, еще живы.

Пораженный внезапным светом над

мучениками, он возвел глаза к источнику света и увидел тридцать девять венцов, сходивших с неба. Аглаий догадался, что тот, прибежавший в баню, отвержен от лика святых. Он немедленно разбудил спящую стражу, сбросил с себя одежду и побежал к тем 39-ти, громко крича:

- И я христианин! – и, став между ними, воззвал:

- Господи, в Тебя верую, причти меня к числу этих мучеников Твоих!

И снова их стало сорок человек – сошел и сороковой венец, и посрамлен был диавол. Они же стояли все вместе и пели 11-й псалом:

- *Спаси мя, Господи, яко оскуде преподобный**.

**Святые 40 мучеников Севастийских пострадали в царство Лициния нечестивого (308- 324). Лициний – зять и соправитель императора Константина I Великого, вместе с ним подписавший эдикт 313 года о свободе исповедания христианской веры. Но если императора Константина отличали государственная мудрость и благочестие, то для лицемерного и коварного Лициния это был вынужденный шаг, связанный с политическими обстоятельствами. И после эдикта 313 года гонения на христиан в подвластных Лицинию областях продолжались.*

Миня. Март. Часть 1. Издание Московской Патриархии. 1984 г. Стр. 236

В быту мы просто обожествляем свою телесную природу. Стремимся мгновенно выполнить все ее пожелания. Но в мире Святых мы видим удивительные вещи. Здесь все как бы наоборот. Кажется бы, прибежавший в баню должен был бы сохранить свое здоровье. И что же? Он умирает, пожалевший свою телесную природу.

В подвиге умирают и мученики. Умирая,

они воздвигли свой образ верности Христу. И мы молимся им, как имеющим силу помогать, и благодарим, когда получаем эту помощь.

Владыка Иосиф Алма-Атинский, которого очень почитают сестры, приехавшие из Алма-Аты, около 20 лет провел в лагерях и ссылках.

Сохранился его рассказ о помощи ему сорока мучеников.

«В Таганроге, - рассказывал владыка, - в архиерейских покоях висела икона сорока мучеников, в Севастийском озере мучившихся. Я, будучи еще молодым иеродиаконом и келейником владыки Арсения, часто проходил мимо этой иконы, но не оказывал должного почитания этим сорока страдальцам, и даже немного сомневался в их существовании: то ли были они, то ли их не было... Вот зимой 1943 года в Умани я сидел в гестаповской тюрьме, где окна были без рам, а на улице стоял страшный мороз. Я был почти раздет - на мне только подрясник. И тогда, в этом каменном мешке, я просил смерти: «Господи, дай мне умереть!» - невозможно было, не было сил терпеть эту стужу. Тогда-то я вспомнил о сорока мучениках Севастийских и стал им молиться, просить прощения за то, что не оказывал им должного почитания, не понимал их мученического подвига. Молился горячо, усердно, и вскоре от души отступило отчаяние, по телу разлилось тепло, и я согрелся. И после того, как холод и отчаяние отступили, открылась дверь камеры...»

*Митрополит Алма-Атинский и Казахстанский Иосиф.
Свет радости в мире печали. Паломник. 2003 г. Москва. Стр. 273.*

Монашество называют бескровным мученичеством. И в наше время так трудно выгнать «баньщика» из своей души, оставаясь на морозе испытаний, но с Богом, чтобы, претерпевая, увидеть теплый свет Божий. И в этом подвиг монашества.

И так хочется провести параллель:

- Убежавший с холода в тепло, т.е. туда, где пребывать более свойственно нашей природе, - где он?

- Погиб.

- А те, на морозе, отвергая немощ телесной природы и совершаясь в подвиге рождения для вечной жизни?

– Живы.

Поэтому не будем спешить с выводами, а «постучимся» в наш монастырь.

О рождении в Духе

В монастыре большая помощь приходит от сестер. Мать Елена открыла для меня тот путь, который душа ищет, но не знает, как на него выйти. Потому что предваряющее созидание было чисто интеллектуального плана. Мы стремились получить знание из книг, этому радовались. Попали в монастырь, и вместе вдруг удалось уловить новую задачу:

знать – это одно, *быть* – это другое.

Конечно, мать Елена одарена очень хорошим чутьем. И оно помогает не упираться в то, чтобы «знать», а проектирует прорыв всецело и органично - «быть и ощущать». Для нас это очень важный момент. Духовное чутье и особая милость Божия.

Так вот эта задача – *быть* – ставит новые вопросы. Нам кажется, что мы хорошо знаем, что такое наше тело: оно хочет есть, спать и размножаться. На самом деле, мы ничего не знаем о нем и все путаем.

Это совершенно разные вещи: иметь в себе жизненную силу деторождения, и Церковь благословляет ее, и мы чтим как особый праздник, где проявилась содействующая благодать: *зачатие праведной Анны*, а другое: иметь в себе блудную страсть ради своего сладострастия.

Но разложившийся - не рождает, а погибает, к этому и ведет индустрия «международного стандарта» свободных отношений, активно разлагающая и душевную и телесную природу человека. Отсюда так и ненавистно монашество. Еще бы, оно противостоит «культурно-индустриальным фантомам», этому новому идолу. О него спотыкается уже не одно поколение. Ведомое к Апокалиптической Вавилонской блуднице, и наше юношество, в культуре пирсингов, голых пупков и свободных отношений, «окаменело» сердцем:

- «Созревание нынешнего поколения произошло в обществе, которое поставило телегу впереди лошади! Сознание человека теперь

обрабатывается еще до того, как биологические потребности просыпаются в его теле!»*

**Парфенон. Т. Тобольцев. Новая великая ложь нашего времени.*

Сейчас, быть распутником и хамом – «круто»! И как им объяснить, что мы произошли не от обезьяны? И что можно упорядочить свою жизнь, чтобы увидеть большее? И что Бог помогает тому, кто ищет этой помощи?

Монашество не вычеркивает свою телесную природу, а идет по пути ее осознания и преображения.

Однажды, обратив внимание на одного начальника, я помечтала: а вот бы я была его женой... И вразумление последовало во сне:

• Я стою в центре храма. Везде пусто. Нет никого. Только рядом стоит гроб. И вдруг понимаю: я выхожу замуж за мертвеца! В гробу – мой жених. Трупный запах обволакивает весь храм своим сладким ядом. Я буквально вся пропитываюсь запахом разложения, который ползет по губам, своим трупным ядом заползает в гортань. Меня начинает тошнить, мне плохо...

Просыпаюсь, провожу языком по засохшим губам, этот же привкус... просто «рванула» в храм. Стою, читаю утренние молитвы и вдруг такое удивление: Господь Иисус Христос не от нас, земнородных, не из нас, а свыше пришедший, чтобы нас от земли возвести к нетлению, в Горний мир!

Я долго переживала и вспоминала это вразумление. Оно, с одной стороны, дало возможность лично увидеть временность

бытия, и, с другой стороны, еще более возвысило тайну монашеской жизни.

Но как справиться с этой неукротимой (биологической) силой? Если ей даже в данный момент говоришь: нет! – это еще не победа!

Если даже контролируешь себя, держишь во внимании ум и сердце, эта сила может прорвать плотину с другой стороны.

И это при условии, что мы и молимся, и трудимся, но иногда где-то происходит сбой:

- Прошло много времени, и нахлынули на меня опять блудные помыслы, а поскольку мы определили в сущности, что это такое, то нашло на меня желание эгоистического сладострастия.

Я взмолилась: Господи, помоги! И опять Господь не оставил. Вижу сон:

- Рассматриваю я свою руку и удивляюсь. Каждая клеточка соткана из световых лучиков, которые выстроены в многогранную светоносную структуру. Как же красиво! Это даже не то, что произведение искусства, это несравненно большее мастерство, недостижимое сверхискусство – Божие творение. Оно настолько прекрасно, что разрушить его – просто кощунство! Такое удивительное тело дал нам Господь. И тут же скорбь: как же мы грешим, не понимая, что нам дано?

К нашим переживаниям о молодежи мы еще вернемся, как сами пострадавшие в неоправданных ожиданиях, а пока сделаем небольшой

- монах, отсекая сладострастие, т.е. ложное направление жизненной силы деторождения, эту

освободившуюся энергию направляет в энергию духа, чтобы совершилось духовное рождение. Поэтому он не бесплоден. Он выполняет свое предназначение, и мир нуждается в этих родах, как в источнике воды жаждущие в пустыне...

• этот труд венчается благодатию, сошествием Духа Святаго, а мир даже не слышал, что такое есть, поэтому лжеучителей принимает за истинных проповедников.

Когда Апостол Павел прибыл в Ефес, то спросил некоторых учеников:

- Приняли ли они Духа Святаго?, на что те ответили:

- Мы даже не слышали о том, что есть Дух Святой.

Сегодня совершенно та же картина. Кто из культурных деятелей говорит о том, что надо жить в Духе Святом? Никто даже не слышал о такой сверхзадаче.

Многие думают, что труд монахов (и, главным образом, молитва) бесполезен и не нужен.

Рассматривая красивые клумбы с цветами, а у нас особенно красиво цветут розы, одна туристка говорит другой:

- Смотри! Какая красота!

- Ну и что, – говорит другая. – Им же делать нечего. Вот они и сидят на клумбах!

Мир не знает того, что молитва – это кровавая борьба. «Они даже не желают знать, что кто-то молится о них, но монахи по благодати Христовой проникают в область, подвластную дьяволу и сокрушают его, разбивают

все его планы» (старец Паисий).

Так мы записались в действующую армию монашеского подвига. Но мы только рождаемся, и... терпим поражения. И как заключение:

- каждый должен выполнять свое предназначение:

- монахи в молитве за мир прозревают Невидимого, тем помогая миру увидеть истинный миропорядок и назначение человека,

- мирские в выполнении своего долга перед семьей, должны еще увидеть колоссальный труд монаха, который поможет им и в знании, и в бытии, и в спасении души для вечной жизни.

Но жестокий мир отвергает не только путь чистоты, смеется не только над монашеством. А сам на помойку выбрасывает своих детей. Брошенные дети, найденные в электричке, как двухлетний Сережа, в чем они чем виноваты, что с ними так жестоко поступают?

Наш монастырь столкнулся с необходимостью помочь отверженным детишкам, и не остался равнодушным, и это особая страница нашей жизни.

Дети. Почему вы меня не любите?

Зло в том, что, не имея покаяния, или «вследствие каких-либо страстей, напр., гордости или научных предрассудков, подавляя в себе или ложно истолковывая религиозный опыт человечества», ученые или самоуверенные обыватели препятствуют Богу вмешаться и помочь им...*

** Н.О. Лосский.*

То благо, которое выстраивается в нашем монастыре, создается какими-то прорывами.

Еще в самом начале администрация выделяет нам участок земли. Зачем? Куда это нам? При нашей-то разрухе!

Собрались, посоветовались и решили: когда есть возможность делать, надо делать. Господь создал ситуацию, потом ясно будет, для чего. И что же? Взяли лопаты, нивелир, стали строить фундамент, из бетона с пустыми консервными банками вытянули стены, - и вот первый домишко готов. И что же? Действительно, неожиданная ситуация приходит, и... мы готовы.

Это проблема общегосударственная. В одно время почему-то появилось много таких детей, которые бы вправе сказать своим родителям:

- Почему же вы меня не любите?

Они оказалась в самом начале жизни одни, без заботы, без внимания, без жилья. И тогда мы поняли: если и мы не откликнемся, то подобный вопрос они могут задать и нам. Так в нашем монастыре появились... мальчишки.

Мальчишки

*Она старалась ободрить его, шутила с ним.
И эта милая ее заботливость рвала ему
сердце. Благодарность мешалась с отчаянием
оттого, что так же ласково, так же весело и вместе
слегка надменно встречала она и многих других. Хотелось
кинуться к ней, упасть к ее
ногам и попросить жалобно: «Не привечайте вы их всех,
Авдотья Яковлевна. Привечайте только меня, меня одного».*

М. Басина. Жизнь Достоевского.

- Бабуля, - тербил мальчишка руку
пожилой женщины, ставившей свечи в храме, -
пойдем домой быстрее.

Совсем обычная картина для любого
прихода, но... здесь все необычно. И бабуля, мама
одной сестры монастыря – «монастырская
бабуля», и мальчишка, с такой доверчивостью
капризничавший - «наш братик», и дом, про
который говорил мальчуган - наш монастырский
«дом».

- Тебя как зовут? – спрашиваем пятилетнего
брата монахини, оставшегося сиротой после
смерти матери.

– Паша, - заправски облокотившись на пе-
рила, в шапке-ушанке с отвернутым меховым
ухом, причмокивая, отвечает он, только что
привезенный из Сибири.

Монастырская школа за 15 лет своей рабо-
ты разрослась и возмужала, а
начиналась с этой простой встречи. Первый дом,
или домишко из консервных банок, стал

настоящим «домом» для многих с затравленным взглядом, изподлобья смотрящих на жизнь мальчуганов. Со временем они превратились в веселоглазых и вихрастых крепышей, а затем уже в юношески порывистых подростков. И только эти мальчишки могли так поразить нас своей отзывчивостью. Только в их душе, с детства испытывавшей горечь оставленности, мог родиться такой план.

- Братья, что бы вы предложили: кому жить в двух домах, которые мы построим?

На листе бумаги мы рисуем два домика и ждем ответа, кто что предложит. Прикидываем, как бы мы ответили. Но то, что мы услышали, пронзило стыдом за нас самих.

- В одном домике, - отвечает Саша, - я бы поместил батюшку, матушку, всех сестер и всех братьев, а в другом домике я бы собрал всех, у кого нет домика.

Кому знакомо горе оставленной всеми души? Кто видел, как трехлетний мальчуган, не знающий, что есть подушка и одеяло, спит, обхватив голову ручонками и сжавшись от страха?

И все эти беды легли на Елену Валентиновну, монастырскую бабулю, которая терпеливо разжимала ребячьи кулачки, устраивала голову на подушке и радовалась, когда наконец видела, что облаканный и успокоенный, мальчонка с кучерявым хохолком замирал на мягкой постели.

Не от нашего желания или решения, а совершенно неожиданно, или вернее, Промыслом Божиим, зарождалась наша школа. Именно в ее

стенах, первые детские страдания нашли свое утешение:

«Приехал я, и первым делом зашел домой. Все для меня казалось таким большим, потому что я тогда был маленький. Жил я тогда один с Еленой Валентиновной, и была у меня игрушка, с которой я дружил. Тогда мне было всего 6 лет. Жил я это все время, узнавал территорию, потом у меня появились санки, на которых я возил воду из колонки и катался с горки. Потом через некоторое время приехал еще один мальчик: его звали Женя, и стали жить мы вдвоем. Нам читали сказки, Священную историю, это было для нас интересно.

А через некоторое время приехало еще несколько братьев: Саша, Миша, Витя, и так становилось нас все больше и больше. И стали приезжать к нам сестры (монахини монастыря): они учили нас всяким разным предметам. Потом нам построили школу и в этом здании мы проучились один год и кончили первый класс. А через некоторое время мы с садовником дядей Геней (сотрудник монастыря) посадили на своем участке грушевый сад, а рядом с садом у нас было небольшое болотце, где мы лазили и тонули по колено, и друг другу помогали выползть»...

И все необычные выражения:
«зашел сразу домой» - не в дом, а «домой»;
и «игрушка, с которой дружил» - не играл, а «дружил», радуясь, что она всегда рядом, как «друг»,
- открывают непростой мальчишеский мир, который ищет надежности в жизни.

Замечательное болотце, а раньше – «святые пруды», покрывшееся зеленой порослью притягивало их, как магнит, и сколько слез сестер, что «Паша опять мокрый», и где взять столько пар носков, если он «падает в воду по несколько раз в день?» - ежедневный быт, который вонзался в жизнь нашего монастыря и координировал наши планы: надо строить баню, чистить пруд для купания, штопать носки и учиться преподавать, набираясь терпения.

Наша школа

Учитель: Что такое лошадиная сила?

Ученик: Эта сила, которую развивает лошадь весом в один килограмм и ростом в один метр.

Учитель: Да где же ты видел такую лошадь?

Ученик: Ее очень трудно увидеть. Она хранится в Париже, в Палате мер и весов.

Не сразу возникло понимание, что нам придется создавать целую школу, со своей методикой, со своей задачей: догнать и... перегнать. И все же школа складывалась из малых попыток: сначала научить быть добрыми, потом уже знающими.

Первое осознание, что именно грех: озлобление, раздражительность, обида – мешают радости и толкают на некрасивые поступки, вызывали и стыд и желание, чтобы простили.

Женя всегда закапывал свои игрушки, чтобы никто не мог найти. Игорь врал, как настоящий фантаст, не моргнув глазом. Гоша

воровал конфеты, носки... и все бесконечно болели. Это – исходная точка.

Клубки душевной боли разматывались ласковыми руками сестер и педагогов. И всегда в мальчишках возникало желание: исправиться. И нам тоже хотелось быть добрее и внимательнее, и мальчишкам – бороться. Виделось, что в правде есть какой-то особенный свет, Божий, и в примирении цель: нам - строить дом, детям – жить в доме.

Но на какие поступки они способны, разглядели даже журналисты:

*Их было пятеро: четверо братьев и сестра. Сначала умер папа, затем и мама. Братья попали в нашу школу-интернат. Старший – Саша – уже в армии отслужил, вернулся и помогает остальным. Младший – Андрюша – появился здесь совсем недавно. Его привезли из детдома. И первым делом малыш подарил мамушке Ксении свою игрушку-лисичку. У мальчика больше своего ничего не было. Он укладывался спать, прижимая игрушку к щеке, никогда и нигде с ней не расставался. И вдруг – подарил мамушке. Этот подарок дорого стоит.**

**Мурзина. «Аргументы и факты»*

Вместо плюшевой лисички мы подарили Андрюше другую игрушку, но он уже больше радовался новым друзьям, братьям и... собачке:

Когда я приехал в школу-интернат, то я увидел собаку Ренар. Я не понял, что это собака, а думал, что лиса. Потом мне сказали, что это у него такая окраска. И как весело было играть в

догонялки с рыжим Ренаром! – так счастливо начиналась жизнь Андрюши в нашей школе.

А другие бунтовали.

Сестры знают, сколько проблем пробовали решить мальчишки, просто сбегая. Ночью, в четыре утра, стук в ворота монастыря и дежурная спрашивает: кто? - затем бежит будить старших сестер:

- Женька прибежал, правды искать!

По железной дороге, 15 километров пешком, среди ночной тьмы, стараясь, чтобы не заметили братья, ищущие «пропавшего», шел Женька, сжимая кулаки от обиды, вытирая рукавом зареванное лицо.

Замерзший, дрожащий, мокрый - добрался, наконец до монастыря. Мать Елена не ругает.

Сейчас нельзя. Сейчас надо успокоить. Наливает в таз теплой воды, чтобы согреть ноги, намывает их, и, вытирая полотенцем, приговаривает:

- Слава Богу, живой, а «это» пройдет, знаешь такую поговорку: до свадьбы заживет?

Разбираем ребячьи обиды, стараемся примирить, а потом приходит решение: нужен режим, нужны спортивные занятия, нужно «бегать» каждый день, только ... по расписанию.

Расписание

Учитель: Саша, ответь, пожалуйста, откуда появились пятна на солнце?

Ученик: Это не пятна, это дежурные плохо окна помыли.

Каждый день стал выстраиваться: зарядка, утренние молитвы, завтрак, учеба.

Зарядка – бег на пять километров дает, как смеются мальчишки – бодрость, но... так хочется ее проспять. И тогда во главе бегущих отправляются наши сестры. Монахам тоже нужна бодрость, и что поделать, если усиленная молитва начинает пробиваться из души именно во время утренних забегов.

Осенью, летом, в дождик и снег бегают братия свою дистанцию, а ветер расписывает их щеки веселым румянцем. И не просто было добиться этого единодушия. Помог Александр Карелин – чемпион мира по борьбе. Когда он приезжал к нам в гости, то его спросили:

- Как Вы стали чемпионом?

И он рассказал про своего отца. Когда ему, еще мальчишкой не хотелось вставать утром, отец говорил:

- Саш, сходи-ка за водой.

- Я выскакивал на улицу, а когда возвращался с ведром, толкался в дверь, а дверь-то была закрыта. Попрыгаю от холода на одной ножке, так совсем и проснусь.

И утренняя зарядка, и общение с природой, дают рассмотреть «как падают листья»:

«Осенний лес снимает свой летний наряд.

Летят листья с деревьев. Клен роняет желтые звезды. Дует ветер, кружатся листья. Белая береза, как свеча, стоит и сверкает листьями золотыми. Вот тополь снимает свою летнюю одежду. Падают его листики, похожие на купола».*

** Тихон Беляев. 3 класс.*

После зарядки, быстро умывшись, братия бегут на утренние молитвы.

- Какая тебе молитва больше нравится? – спрашиваем Алексея.

- Последняя: *Пресвятая Владычице моя Богородице, - и дочитывает: святыми Твоими и всесильными мольбами, отжени от меня, смиренного и окаянного раба Твоего, уныние, забвение, неразумие, нерадение...*

- А ты зачем молишься? – вопрос к Антоше.

- Чтобы все хорошо было целый день.

Антоша знает, что такое страдание. Однажды во время игр у костра он столкнулся с другим мальчонкой и упал прямо в огонь. Ужас объял всех нас. Его крик и слезы градом, сильнейший ожог, слезающая кожа на руках - зрелище, от которого как от кошмарного сна, хочется очнуться. Не растерялась мать Таисия: сообразила, как оказать первую помощь, быстро посадила в машину и просто полетела в больницу.

У Антоши сильный и красивый голос. Когда он лечился в ожоговом центре, то по вечерам, после ухода врачей, пел так, что слышно было на нескольких этажах. И другим малышам было веселей, когда из его окошка разлетался бархатный звук:

- Богородице Дево, радуйся, благодатная Марие, Господь с Тобой...

Однажды сестры не успели привезти в больницу монастырского творога и купили в магазине, на что Антоша сказал:

- Я буду есть только наш творог! – и был прав, такого творога нигде нет.

Завтрак для братий – время не только, когда можно что-то съесть, но и послушать жития Святых. Чтец, наподобие монастырского Устава, за аналоем с большой книгой, читает громко, а мальчишки, когда кто-нибудь зазеваётся или отвернется, поначалу подъедали порции нерасторопных соседей. Только потом узнали, что это нехорошо, и Святые так не поступали.

Трудно было справиться и с желанием все с общей тарелки положить только себе, а хлеба набрать столько, что и на весь день хватит. Но всегда завтрак – это радостное событие.

После него, подбодренные таким «сытым» началом, братия выходили на улицу, стараясь побыстрее надеть ботинки, которые понравятся, не важно, что они не свои, но они стоят в коридоре, а свои почему-то всегда терялись.

- Где твои ботинки? – утренний вопль наших воспитателей. – Я же тебе говорила, что нельзя бросать свои ботинки.

Под натиском столь многих правил хотелось навредничать и сбежать... от воспитателей. Так в нашей школе появились... привидения.

Привидения

Тощий или жирный ложится медведь в берлогу?

Загадка

Уже солнышко готово было спрятаться за небольшой лесок, а наши сестры, измученные несокрушимым упрямством мальчишек, держали совет: что делать?

Детям надоело слушать бесконечные поправки к их поведению, и они стали прятаться от сестер. Спрячутся, а самим весело. Рядом находится сельское кладбище с большими раскидистыми деревьями, куда и забирались мальчишки, поглядывая, как их ищут сестры. Но невесело было сестрам. В пыли, в слезах, они кричат: Саша! Женя! Ваня!... И однажды терпение лопнуло.

- А не придумать ли нам такое...? – вспоминая свое детство, решили они.

Подумали, посоветались, и план по перевоспитанию вступил в действие.

- Братия, уже вечер, но нам надо пойти посмотреть в сторону кладбища, там кто-то кричал, - говорит серьезно мать Сергия.

Немножко страшновато, пока собрались, совсем стемнело. Мальчишки, а их было человек пятнадцать, неуверенно тянутся по дорожке за решительной матерью Сергией. И вдруг она закричала:

- Ой, что это?

В темноте, плавно ступая, помахивая,

словно крыльями, и закутанная так, что не видно ни лица, ни рук, двигалась большая белая фигура.

- Аааааа! Привидение! – и поднялась такая паника, которую с трудом удалось успокоить, даже когда прибежали домой.

- Бежим, - кричит Саша, один из оставшихся, и тянет мать Сергию за руку. – Там привидение!

И тут же решил защищаться более отчаянно, с силой зашвырнув камень в страшное чудище.

- Ай, - крикнуло привидение голосом матери Анастасии, и... остановилось, почесывая руку...

Конечно, дотошные мальчишки потом разоблачили наших сестер, но их решительность приняли с благодарностью, и больше не прятались, а просили, чтобы с ними поиграли...

Мы... играем

- Гоша, зачем тебе стаканчик из-под йогурта?

- Не знаю, для чё-нибудь.

- А у меня для морских существ.

Один из многих диалогов.

Сначала игрушек у нас было мало, и мальчишки решили сами конструировать. Первая игрушка – кирпич на веревочке - должен был изображать машину. Кирпич, ловко управляемый будущим водителем, бороздил глину на еще не выложенных дорожках.

Что им казалось, когда они тащили кирпич за веревочку? Что это большая и важная машина, с блестящими стеклами и кузовом? Но они были рады, а мы не мешали их творчеству. Затем из всяких дощечек и брусочков стали появляться усовершенствованные модели. Они виделись им Кразами, Мазами, и даже джипами. На деревянных и круглых колесах, с платформой для перевозки песка, - но каждый мальчишка ходил неизменно со своей машинкой, с любовью поглядывая за ее

Вскоре мы заметили, что стало пропадать все, хоть сколько-нибудь подходящее к «машиностроению». Тогда мы поняли, что надо организовать мастерские и маленький спортивный зал...

Первые игры, которые мы вспомнили – футбол и волейбол, превратили монастырскую полянку в вытопанную площадку. Зато, наигравшись, можно и смородину помогать собирать, и траву возить для лошадки...

Так выросли братья, менялись игры, менялись и характеры. Теперь у многих есть водительские права, а уже «работать на тракторе должен уметь всякий – так говорят наши братцы».

Но есть в их жизни – неожиданные задания, например, подготовиться к прыжку с парашютом. И это задание они выполнили с честью. И многим оно помогло победить себя.

Мы прыгали... в запредельное

Паша всегда как-то стеснялся братьев. То ли ему казалось, что они умнее, способнее его, то ли он всегда был собой недоволен, не мог выразить того, что бы хотелось, но он страдал. Пытался склонить других к какому-нибудь греху, чтобы иметь влияние и власть над ними, но сам чувствовал, что как-то плохо потом на душе и приходил, рассказывая о себе, но вырваться «из порочного круга» не мог. И вдруг, подготовка к прыжкам: занятия с инструктором, изучение устройства парашюта, тренировочные прыжки с тренажеров, и вот долгожданный день и час наступил.

*30 июля 2004 г. исполнилась наша заветная мечта – в этот день мы прыгали с парашютом. Эти прыжки организовали десантники, но несколько раз они у нас отменялись, потому что была плохая погода, но в этот день погода обещала быть хорошей, и мы поехали в Аэроклуб.**

**Из сочинений.*

Все время подготовки, прослушивая необходимые инструкции вместе с мальчишками, и посматривая, как они надевают необходимое снаряжение и выполняют задания, мы успокоились, и, когда они цепочкой потянулись в самолет, поняли, что сейчас совершится для них что-то очень важное. В специальных шлемах, сползающих на глаза, перетянутые тросами и пристегнутые к

автоматическому режиму открытия парашюта, разместившись на сидениях в самолете, мальчишки весело поглядывали в иллюминатор. Почти все взлетали впервые:

Пилоту, чтобы вывести самолет на нужную высоту, понадобилось сделать два круга над полем, и тут раздалась команда готовиться к прыжку.

Как только открылась дверь в самолете, и они увидели, что земля... далеко, ее отделяет высота не двухэтажного дома, откуда они все время старались спрыгнуть в сугроб, а около 800 метров, «мозг наш как будто отключился». Первый, сидящий против инструктора, приподнявшись, вытянулся от страха и, разведя руками:

- Ааааа! - захлопал глазами и рухнул бы, если бы не спокойный хлопок по плечу инструктора: «Вперед!» и легкий пинок, благодаря которому тот просто вывалился из самолета. Другим было легче, они уже шагали в небо автоматически, ничего не соображая.

- Ну, как? - спрашиваем после приземления, - все выполнили? Рванули кольцо, отвернули голову в левую сторону, как полагается по инструкции?

- Какое там! Мы прыгали, не думая, как будто в никуда. Мы прыгали... в запредельное.

- А я летел, а в глазах все бело, а потом смотрю: Андрюха мимо летит.

Как же это смешно, только когда находишься на земле!

Конечно, не все просчитали положенные

521, 522, и 523, но в том, что парашют действительно раскрылся, убедились все.

Дальше мы выполнили все нужные действия: удобнее сели на лямках, развернулись против ветра и стали готовиться к приземлению. Но странное дело: прыгали мы с восьмиста метров, а ощущение было, как будто под тобою не больше ста, а опускались мы так медленно, как будто совсем стояли на месте, но скоро земля стала приближаться быстрее и, сгруппировавшись, мы приземлились на землю, а кто-то даже в лужу, но в общем, все прошло благополучно, и даже не верилось, что только что мы прыгали с самолета.*

** Камешки. Газета*

В монастыре десантники вручили им «Удостоверение парашютиста» и значок-эмблему десантных войск с цифрой один (по числу прыжков), который называется «Тошнотик», а мальчишки только и трещали о том, что они не испугались:

- Просто ничего не успели понять, не то что испугаться. Но у нас впереди второй, а во время второго, как говорят, испугаешься за все два раза, так что у нас все еще впереди!

Но как все они изменились! С Паши как будто слетели все комплексы, что он не такой, как все. Он говорил - не умолкая, радовался - не переставая: и он смог, и у него получилось, и это здорово!

Мы учимся

*Учитель: Саша, какая бывает вода?
- Холодная, горячая и святая.*

Лунный свет освещал дорожку, теплый свет изнутри дома говорил, что там живут, а те, которые видели эту тайну жизни, благодарили Бога:

- Слава Богу, я живу!

Так живут наши мальчишки и «мыслят» светло и смешно:

У нас есть Дима Жуков (9 лет) и есть Вадим Жучков (6 лет). Дима спрашивает мать Ольгу:

- А когда Жучков подрастет – он будет Жуковым?

И подрастают братия, и следующую помощь в их развитии дает уже школа. В братском домишке надстроили второй этаж, и первые классы были готовы.

Педагогами отрядили сестер, у многих педагогическое образование, но не все оказалось так легко, как думалось. Воспитатели, а теперь уже и педагоги, не воспринимались братьями серьезно, так в нашей школе появились еще и «учителя». Приглашенные из других школ, с хорошими навыками преподавания, с неподкупным взглядом и беспощадными вопросами, они своей строгостью наконец-то доказали, что учиться надо.

Недавно нам рассказали, что мы должны

*ходить каждый день в школу и сидеть за партой только потому, что давным-давно это придумал один умный человек по фамилии Коменский. Сначала его, конечно, никто не слушал, но потом всем взрослым понравилось, потому что никто лучше его придумать не смог, и вот...**

**Сочинение.*

И вот... тетрадки, ручки, учебники, школьная форма, сама школа и новая встреча со взрослыми педагогами, и ... со своими проблемами.

«Однажды шла спевка хора. В который раз репетировали песню «Вижу чудное приволье». У Антоши не очень получалось, а он пел соло, все страшно устали. Наконец, мать Наталия находит выход, обращается к Ване Танасогло:

- Ваня, может быть, ты споешь? Покажи, пожалуйста, как надо петь.

Ваня соглашается, берет ноты и красивым голосом поет первую строку:

- Слышу чудное рыданье!»

И, возможно, этим «рыданием» можно выразить нежелательность бурного натиска на детскую психику сухих школьных программ. И как не хочется менять восприятие тайны жизни на дележку по глаголам.

Идет урок русского языка. Мать Ирина объясняет:

- Глагол отвечает на вопрос: что делать, сделать. Например, я умер.

Паша: Это не глагол.

- Почему?

- Он уже ничего сделать не может.

- Нет, Паша, ты не понял. Например, глагол: он пошел. Какой вопрос ты задашь?

- Куда? – степенно отвечает внимательный к жизни Паша.

И его внимательность не раз ставила сестер в тупик. Однажды, когда все дети уехали на автобусе в монастырь, сестры, наконец, решили сходить на снежную горку, куда каждую свободную минутку бегали мальчишки покататься. Усевшись на санки, с детским счастьем и весельем, сестры лихо скатывались с горки, и уставшие и довольные, что их никто не заметил, вернулись домой. Как только приехал автобус, Паша, высовываясь из-за двери кухни, где они готовили ужин, возмущенно говорит:

- Кто-то катался на нашей горке!

- Почему, Паша?

- Следы ведут – туда и обратно!

И наш путь заботы шел туда – к ним, нашим добрым и не справляющимся с собой детям, и обратно – к нашей монастырской жизни и познанию себя. После послушаний, открыв Добротолубие - и прочитав слова Никиты Стефата о «созерцании Божественного света», как существенной черте созерцания вообще (Доброт. 5, 133), удобно расположившись и подобрав ноги, чтобы не дуло с пола, сестры вместе размышляли, что человеку, возможно, более органично воспринимать некое «созерцательное знание»?*

** Термин может быть неточным.*

Созерцание по-гречески – теория или феория, теоро означает видение Духа, Бога. Здесь

*ум видит, но не мыслит, т. е. представлен в своей чувственной, а не логической функции. Ум становится чувством, духовным зрением.**

**А. Позов*

Хотя мы об этом и раньше читали, но каждый раз это знание вызывает удивление.

способность. Нужно довести ум до такого состояния, когда он отрешается от всего мира, мирского, телесного и плотского, от психизма страстей, помыслов, желаний и стремлений, от всего чувственно-рассудочного содержания сознания»... Невольно мелькает мысль: неужели это возможно? Но продолжаем читать дальше:

Тогда ум начинает видеть то, чего он не видел раньше, не обычные материальные вещи, а их внутреннюю духовно-интеллектуальную природу... Наконец, дух созерцает самого себя. Это – как бы новая, незнакомая функция ума, появляющаяся в аскезе, в упражнениях и молитве. Появляется утраченная человеком способность непосредственного видения.

Сколько раз мы замечали, что молитва, собирая ум, дает ему особую силу восприятия. И действительно:

*Ум утратил способность видения в падении и только путем молитвенной аскезы может восстановить ее. Падение человека выразилось в преобладании телесной и душевной функции ума, ментализации человеческого познания...**

**А. Позов*

Засыпая на последних словах, мать Юлия видит сон: «собрались наши мальчишки и

протянули веревочку от одного облака до другого, сели на нее и покачиваются.

- Что вы делаете! Вы уже упадете. Облако – прозрачное! – кричит мать Юлия.

А они на облачках качаются, солнцу улыбаются и с ветром разговаривают.

- Идите в школу!.... – возмущает она, а сама летит...»

- Мать Юлия, ты что кричишь? – тормозят ее сестры. – Иди, ложись спать.

Так кончился еще один день наших забот и переживаний.

Перед лицом смерти...

Любовь отца Амвросия шла неразрывно с его верою.

Он твердо, непоколебимо верил в человека, в его божественную душу. Он знал, что в самом сильном искажении человеческом, там, где-то далеко лежит искра божественного дара, и эту искру чтит отец Амвросий. Как бы ни был грязен тот, кто говорил с ним, уже тем была велика его беседа, что она давала грешнику сознание, что святой старец смотрит на него, как на равного, что, поэтому, он не окончательно погиб и может возродиться. Он самым падшим людям подавал надежду и бодрость, и веру, что они могут стать на новый путь.

Е. Поселянин. Русские подвижники XIX века

«В ночь на 15 июля 1932 года, когда брату исполнялось 30 лет, - писала Лидия Друскина о своем брате, - произошло важное событие, отразившееся на его творчестве.

«Когда ночью (во сне) мне явился святой Георгий и показал смерть, я подумал: я не был искренним, я хотел строить систему, система неосуществима; в системе есть пропуски и противоречия, пропуски я соединял как придется, противоречий делал вид, что не замечал. Перед лицом смерти так писать нельзя. Я отказался от системы. Я сказал: вот деревья; я забуду о том, что знал, буду смотреть и думать»... (стр. 13).

Перед лицом смерти оказались многие мальчишки, которые попали в нашу школу, перед лицом смерти духовной, задыхаясь от коварства цивилизации, оказались многие сестры в стенах нашего монастыря, благодаря Христу, Который не захотел стать царем земным, а как Истинный Царь неба и земли, принял смерть, *смертию смерть поправ*, и подал нам руку, как Петру, погибающему в пучинах моря.

И в каждом служении монастырского послушания мы привыкли к тому, что в помощь нам дается благословение...

Благословение

Маленькие Дима и Вадик болеют. Они лежат в кроватях в одной комнате и поют.

Дима (низко и шепеляво): Миром Господу помолимся.

Вадик (тоненько): Господи, помилуй!

Благословение на создание новой школы мы получили неожиданно, но были рады такой возможности. Святейший Патриарх Московский и Всея Руси Алексей II, в обращении к владыке митрополиту Ювеналию, писал:

Святейший Патриарх Алексей II, Николай Емельянович Аксененко на закладке Храма в школе - интернат имени преподобного Сергия Радонежского в Топорково.

Благодарю Вас, дорогой владыка митрополит за благословение, а игумению Ксению за готовность оказать помощь в окормлении школы-интерната имени преп. Сергия Радонежского в Топорково. Будем надеяться, что усилиями Троице-Сергиевой Лавры и Свято-Троицкого Ново-Голутвина монастыря, мы сможем воспитать достойных чад Святой Церкви и граждан-патриотов нашего Отечества.

Наша монастырская «бабуля» была назначена директором школы. Кандидат наук, с навыками научного мышления и с задатками хорошего организатора, она при школе создала

научно-методический центр, а в дальнейших планах – организация Университета. Сестры стали воспитателями, и им уже помогают наши овзрослевшие братья: студенты педагогического института!

Те трудности, которые пришлось преодолевать нашей школе и в образовании, и в воспитании, стали хорошей подготовкой к новым задачам, потому что детей присылают в Топорково из разных приютов... и совсем «запущенных».

«Дети, с которыми мы имеем дело в наших школах, как правило, не являются умственно отсталыми, - рассказывает Елена Валентиновна, - а это дети, просто «педагогически запущенные». С малого возраста, когда развивается познавательная деятельность, когда возникают вопросы: что и когда? – ответа они не получают, любознательность у них пропадает, и пропадает желание познавать. У них нет стимула к познанию».

Вспомнился наш Ваня, который поначалу совсем не говорил. Плакал, когда говорили, что надо идти в школу...

«Когда такой ребенок попадает в школу, то к этим детям традиционные методики не подходят. Мальчишка сидит в пятом классе, пропустив первый, второй и третий, и ничего не понимая в пятом, начинает комплексовать. У него нет навыка быстро соображать, нет навыка пользоваться литературой, и самое главное, нет желания познавать. Он не знает, для чего это надо».

Добавляя свои наблюдения, можно сказать, что тот мир, который окружает наших

детей, гораздо ближе им, чем отвлеченные знания. Они больше его любят, чем мы. Как-то по-своему, но удивительно понимают.

Мать Надежда загадывает загадки.

- «Лежит весь день словно пень.

Ничего не делает, а есть просит».

- Это кто? Ну, какой человек?

Сереза: Злой?

- Нет.

Андрей: Длинный.

И здесь своя логика. Мальчишки, как маленькие, не «длинные», больше всего любят бегать и играть, а если кто-то лежит целый день, значит, он не маленький, а длинный, он вырос, ему уже неинтересно играть. И разве он не прав в своей наблюдательности?

Так удивительный мир этих «малых мира сего», детей, о которых сказано: *кто примет одного из малых сих, тот Меня принимает*, стал учить и нас, потерявших детскую радость и обросших мхом многознания до прихода в монастырь...

И опять проблемы...

*Я работал и учил только своим интеллектом.
Сердце оставалось холодным, и даже видение человеческого
единства, открывшееся мне, не сделало меня чувствительным к
теплу человеческого общения.*

Д.Г. Беннетт. Свидетель

- Существующие методики основаны на том, что предмет изучается от части к целому. И

ребенок, когда не видит перспективы, ему это не интересно, он не понимает, зачем это надо, и у него в одно ухо влетает, в другое вылетает, ничего не накапливается... И к таким детям нужен совершенно другой подход.

Елена Валентиновна говорит уверенно и сосредоточенно. Это труд всей ее жизни и ей очень хочется помочь своим маленьким воспитанникам.

- Одна из удачных попыток организовать процесс обучения, это - метод Шаталова. Свою методику он опробовал на математике, а потом распространил на гуманитарные предметы. Преподавал в Донецке.

- В чем его методологический подход? – один из вопросов на собраниях методического совета.

- Он говорит, что сначала ребенку надо дать очень коротко, очень сжато знание о целом, чтобы он понял проблему. Сначала надо дать минимум информации, чтобы он мог ее вместить. А потом идти по спирали, от центра, от ядра продвигаться к периферии, получая все больше знаний. Тогда детям любопытно, а что дальше? Способность преподавателя связана со способностью свернуть информацию, чистую информацию превратить, как один из вариантов, в графическую. Графическая информация лаконична. Ее ребенок лучше воспринимает, быстрее запоминает...

Замечательно! Когда Андрюшу на уроке биологии спросили: что такое клетка, то он со смущением сказал:

- Это та, которая в тетради?

- Главное, выделить во всем курсе, где ядро, с чего начать, - продолжает Елена Валентиновна. - Тогда ребенок знает: зачем и что!

Если продолжить разговор, заглянув в философию педагогики, то можно отметить еще ряд важных моментов.

Понятно, что «каждый взрослый, - пишет педагог соционики и наш редактор В. Колбикова, - мечтает дать своему ребенку хорошее образование - нанимает репетиторов, покупает словари, энциклопедии. Но книги лежат зачастую нетронутыми, а вместо стремящихся к знаниям молодых людей нам приходится видеть интеллектуальных бездельников, умеющих, но не желающих учиться.

Причина, на мой взгляд, в том, что учение потеряло сокровенный смысл, стало набором разрозненных знаний. Да еще в таком объеме, что и взрослый-то не в состоянии их усвоить. Масса понятий, цифр и формул, никак не связанных друг с другом, в любой момент грозит подмять под себя ученика. Одни исправно несут эту ношу, страдая от нервных перегрузок. Другие научились отлынивать, чтобы окончательно не свихнуться.

Между тем учение может стать увлекательнейшим занятием, если вернуть ему сакральный смысл и разрозненные предметы рассматривать не как отвлеченные и не связанные друг с другом области, а как единую систему знаний. И постигать ее через человека.

Как малыш собирает по частичкам мозаику, так и ученик, ведомый учителем, должен собрать

свою картину мира».

Предположительно, распределение внутренней задачи в разных возрастных группах может быть следующим:

«В детском саду и младших классах учитель представляет ребенку мир как единое целое, где все живое не только связано между собой, но и подчинено единому замыслу. Этот замысел спрятан в Священном Писании, иносказательно - в сказках, мифах, в разных науках, и ученику за время учебы предстоит его раскрыть. Принцип обучения: обо всем понемногу. Любим и бережем мир неосознанно. Работа в основном с правым, образно-интуитивным полушарием.

В средних классах обучение строится по принципу разделения Целого (т.е. мира) на части, постижение порядка и законов внутри каждой из них. Принцип обучения: погружение в предмет, дробление и сравнение его частей. Работа в основном с левым, конкретно-логическим полушарием.

В старших классах учитель подводит учеников к синтезу, к интегральному мировоззрению, когда любишь и бережешь мир осознанно. Принцип такой: соединяя, обретаем целостное сознание. Я и мир неразделимы.

Если первые две ступени просматриваются в нашей школьной образовательной системе, то третья, на мой взгляд, - ставит смысловую точку В. Колбикова, - полностью отсутствует. А без нее невозможно воспитание полноценного человека».

Поднимаясь по спирали познания, спрашиваем у А.И. Осипова о возможно верном подходе уже в большой науке.

- Есть два процесса, две тенденции и в научном развитии:

- Одна из этих тенденций заключается в том, что мы пытаемся постигать все элементы этого внешнего мира, в надежде на то, что, познавая все частности, мы сумеем создать целую картину мира. И вот оказалось, что этот метод малоэффективен. Потому что мир бесконечен в своей познаваемости.

- А есть и другое. Когда делается попытка выявить самые основы этого бытия, чтобы получить возможность целостного восприятия мира и бытия. Вот здесь наука не знает подхода. Хотя эта тенденция существует. Прекрасно понимают, что без целостной картины мира невозможно дать точную характеристику правильного места в этом бытии частностям. Религия, именно Христианство, как раз строится на этом методе, именно она дает целостное восприятие, а детали, кстати, ее не интересуют.

Многие проблемы педагогики, поднятые на заседаниях научно-методического совета, еще не опубликованы и находятся в стадии разработки, но пожелаем успеха всем, взявшимся за это благое дело и вернемся к жизни наших подрастающих мальчишек.

И все бы хорошо выстраивалось в их жизни, но пришло время созревания, и оно «снесло головы», и разрушило многие планы.

Взросление

Начали было говорить о том, что уготовила современной молодежи индустрия «потребления и наслаждения», и продолжим: почему она слепа к последствиям того, что предлагается?

*Что ни возьми: компьютерные игры, курение, пиво, наркотики, гормональные контрацептивы, рок-музыку, порнографию, педерастию, «свободную любовь», магию, оккультизм – все пагубно.**

** И.Я. Медведева, Т.Л. Шишова. Поколение цветов.*

Но «наших» мы берегли крепко! От всего пагубного ограждали! И что же? Та молодость: «порыв, свободный полет» из первых встреч с «очаровательным полом», рванула в такую жадность присвоения, что один «не устоявший» потянул за собой и других. Не всех, а своих братьев по плоти, их у нас было трое.

Пережить такое трудно. Мечтали, что они будут счастливыми, найдут хороших невест, но женский пол буквально озверел, и мы призадумались.

- Батюшка, почему же так получилось?

- Род из могилы не поднимешь.

Мать спилась, отцы все разные, и тоже неизвестно, по каким тюрьмам. Если бы они не начали врать и действовать за спиной по-своему, то беда расставания не обвила бы жгутом несчастья! Правда, жизнь большая, и отрицательный опыт тоже может вернуть к добру. Но как же

им трудно! Боремся за остальных. Объясняем каждому, уговариваем, - если не начинает прятаться и исповедуется, держится молодцом! Так набираются и замечательные выпускники:

Выпускники школы-интерната закончили Педагогический институт:
технологический факультет - пять братьев,
факультет физического воспитания и спорта - тоже пять;

Политехнический институт - четверо,
агроколледж - четверо,
медицинский колледж - трое.

Один из старших мальчишек уже венчался, второй одновременно с заочным обучением в Педагогическом институте заканчивает третий курс Семинарии. Еще один учится в Рязанском Воздушно-Десантном Университете. Почти все отслужили в армии, двое еще служат.

Во второй **школе - преподобного Сергия в Топорково** - сейчас сто двадцать мальчишек, которые подрастают и готовятся к жизненным испытаниям... За десять лет здесь уже набрались свои выпускники. Трое - студенты Тимирязевской Академии, трое - служат в армии, один учится в Институте Росэнергоатом, а остальные - еще школьники...

Им придется встретиться с современной позицией молодежи, и что же это за кошмар! Но постараемся не останавливаться только на эмоциях, а как-то попробуем сформулировать смысл трагедии. Итак, что плохо?

Есть некоторые ошибки при взрослении.

Самость

Я сам достигну всего. Если я буду стараться, у меня все выйдет. Мне надо развивать свои силы, для меня главное – это я.

И человек действительно старается. Но беда в том, что в этом устройении – нет места для любви к другим. Любовь – это жертва. А самость использует людей для себя любимого. Самость – это обман. В конце жизни человек останется ни кем и ни с чем.

Человек играет в игру сатаны, веря в самого себя.

Гедонизм

Главное – удовольствие.

Человек живет ради тела или ради разумного удовольствия.

Тело, чувства, разум – насыщаются удовольствием, а дух – голоден. Никогда человек не может получить достаточно удовольствия. Жажда удовольствия толкает на постоянную гонку за все большим удовольствием. В результате, не стесняются в выборе средств: готовы проявить даже «приверженность злу и уродству»: «откровенное зло и антиэстетизм вошло в молодежную моду как неперемнное условие быть «продвинутым»* - то есть, быть на коне и нарасхват!

**Александр Богатырев. Ад достоин посмеяния.*

Как протереть «замыленный уродством глаз» и не попасть в третью ошибку?

Побег от жизни

Любое несчастье, если человек не научился стойкости, ведет к трусливому бегству, либо в пьянство, либо в наркотики. Поэтому в трудной ситуации, такой – запьет. Он «сбегает от жизни». И это приводит к еще худшей ситуации, не берем-ся разбирать патологию, а скажем об общем направлении, которое можно назвать: безделие.

Безделие

У каждого должно быть дело.

Бездельник – бессмысленный человек.

То, что в нашей школе все получили профессиональные навыки, помогло им социально адаптироваться, даже если в жизни и наделали ошибок. Есть работа, есть дело, и оно дает временную устойчивость, которая должна бы привести к правдивому постоянству Веры и Верности.

Но политика «глобализма» подбрасывает новые сюрпризы...

Великая ложь Нового Времени

Что потеряла молодежь? – вопрос, на который пытаются найти ответ все видящие, что наркотики и Спид, как последствия ложных принципов жизни, слишком многим не дали раскрыть в душе сущностное понимание жизни. Их уже нет в живых.

Итак, что потеряла молодежь? Ответ прост: потерян смыслообразующий стержень. В чем же он?

Президент Российской Федерации Дмитрий Медведев, игумения Ксения, воспитанники школы - интернат имени преподобного Сергия Радонежского во время посещения 7 января 2009 года.

У детей есть свои базисные потребности:

- в познании,
- в самосохранении,
- в общении (с равными себе и со взрослыми),
- в росте и развитии,
- в положительной самооценке,
- в стремлении к свободе

(в противном случае они испытывают либо угнетенность, либо агрессию).

У молодежи свои этапы становления.

Они уже не дети, но еще и не взрослые: «их еще не вынуждает приземлиться груз взрослой от-

ветственности». Но есть и нечто новое: в душе разгораются страсти! И вот старшим – удержать бы и упорядочить, а они сами пускаются в пляс, что чего-то в молодости не догуляли, увлеченные магией СМИ и телевидения!

Хотя уже понятно, что та «распушенность», которая так усердно насаждается как стиль

жизни – не биологическая потребность, а некий Миф, «захвативший сознание обезбоженного человека».*

** Т. Тобольцев. Новая великая ложь нашего времени.*

В результате уходит все светлое, возвышенное, «мечты об идеальной, вечной любви – это не просто стержень, а сама сердцевина юности, без которой душа не вырастет полноценной»,* - выдираются из юношества клещами прагматизма. Ученые забили тревогу:

В психиатрии и психологии существует понятие стадий психического развития. Пропущена одна из стадий – и человек уже не может сформироваться нормально. Если маленький ребенок не слышит сказок, если родители общаются с ним как со взрослым, делая упор на логику, то возникает опасность недоразвития эмоциональной сферы.

Что характерно, в частности для шизофреников.

Подростково-юношеский период называется романтическим.

Выпадение из романтической фазы свойственно олигофренам. Дефектологи, работающие

*с олигофренами, часто жалуются на их раннюю озабоченность, неразборчивость в интимных связях, отсутствие возвышенных платонических чувств. Это именно то, что сегодня удалось связать почти всей нашей молодежи.**

**И.Я. Медведева, Т.Л. Шишова. Поколение цветов*

С таким страшным миром придется столкнуться нашим мальчишкам, которые в первые годы своей жизни уже почувствовали его ненависть, оказавшись без родителей и родных. И только наше стремление помочь им и объяснить, что у хлестких одногодков перевернута система координат, - удержат ли их?

Заключение

«Выдуманный смысл жизни», о котором не только догадываются или «касаются печально текущим чувством», а трубят по всей широте разноплановости мышления (науки, медицины, искусства, философии), не имеет ничего общего с Правдой Жизни.

«Что Бог не сделал, наука исправит», и действительно, в человеке огромный творческий потенциал, только бы направить его не на искажение природы человека, а на помощь в осознании цели жизни.

А пока игнорируется разумное, и из земных кладовок ада, расположенных почти на каждом телеканале, вытаскивается пошлое и зловерное, дети с тонкой душевной организацией выходят на зыбкую черту между

пограничной ситуацией и патологией.

И уже многие педагоги и психологи ставят вопрос: где кончается настоящая педагогика и начинается психиатрия?

Но и для взрослых, которые выросли на ценностях Русской культуры, и воспитывались на презрении к низменному, как ответил Дмитрий Карамазов на предложение бежать в Америку: «я смерда тамошнего не вынесу», разгул идеала смерда, тоже является сокрушительным.

«Установка на богатство, на антипатриотизм – больно бьет старшее поколение, потому что у него другая «генетическая память». Массовая культура стремительно подчиняет «новым стереотипам, а бессознательно человек

противится, потому что в нем заложено другое: не эстетика морга, а целомудрие Русской культуры. У нас женственность выражена через духовные качества, и для русской литературы является даже диким и невозможным прославление человека, который «срывает цветы наслаждений».

«Русский человек всегда имел в качестве идеала – инока, служащего верховному идеалу», именно потому, что «твердо убежден и особым образом знает, что «там» есть нечто бесконечно более «реальное» и «крепкое» и непреходящее сравнительно с преходящим образом века сего. Следовательно, здесь жажда того, что можно назвать «истинным» или «подлинным» бытием».*

**В. Ильин. Эссе о русской культуре. С-Петербург. 1997 г. С. 45-46*

Завершая разговор о школе, основную эстафету идей которой приняла Топорковская школа-

интернат преподобного Сергия Радонежского и которая продолжает развиваться усилиями и заботами многих добрых людей и думающих педагогов, хочется подвести итоги:

Основное, что нам удалось понять и научиться применять в нашей школе - это необходимость выстраивания иерархии душевной жизни.

1. В нашей душе, как высшая ее потребность, заложена необходимость общения с Богом. Она не может быть подменена никаким другим действием души. Если мы много общаемся с людьми и мало молимся, то мы начинаем от людей требовать того, что может дать только Бог.

Искажение душевной жизни ведет к травме и трагедии.

- Поэтому одним из важнейших предметов школы, или направлением, координирующим процесс обучения, является Боговедение, в котором важно опять-таки не только получить знание, но и воспитать сердце, чтобы оно смогло в соответствии с этими знаниями строить жизнь в благодати и благословении.

2. Если мы не общаемся с Природой, с миром живых существ, забывая, что и это творение Божие, а поэтому может нас многому научить, то мы опять нарушаем иерархию души. Потому что в рациональном знании мы не получаем власти над тем, о чем мы узнаем, и у нас нет живой связи с тем предметом, который мы изучаем, а мы должны, по плану Божию, иметь власть и силу... (!!)

- И тогда мы поняли, что надо учить детей любви к Природе, учить их понимать ее язык.

- Человек создан царем Природы, а мы не только не царствуем, но цивилизация разорвала связь с Природой, направив по ложному пути «покорения», а в результате «уничтожения» нашей живой связи и сопричастности к ней.

- Не покорять, а согласовываться и учиться любить, но для этого мы должны изгнать механического человека из себя (!), смягчить свое сердце, и тогда Природа откроет свои дары и будет «единосущность».

А.В. Повелихин

С какой болью мы смотрели кадры документальной съемки о страшной трагедии в Таиланде. Некоторые даже не стали бежать, когда увидели приближающуюся волну, высотой с дом. Они привыкли смотреть в кино на волны и лихие действия каскадеров, и не увидели опасности там, где она действительно есть. Хотя ни одно животное с этого острова не погибло, заранее все ушли на четыре км вглубь острова.

Насколько они оказались «умнее» людей.

В этом году наши сестры поступили в Тимирязевскую Академию, и с каким упоением они рассказывали про жизнь червячков, с которых начинается одна из первых тем в почвоведении. Теперь для них работа на подворье – не просто наказание, или грязный труд - это целое открытие о премудрости Природы.

Теперь им легче понять себя. Мы – часть этой Природы, но в нас еще нечто более сильное

– бессмертная и разумная душа.

- Поэтому следующим предметом для обучения было бы, в добавление к необходимому, образно говоря - Душеведение.

- Знание о душе, рассыпанное в разных богословских науках, а для школы вовсе неизвестное, должно бы открыть всю «ядерную мощь» нашей души, которая и вызывает соответственные материальные ее выражения.

- И через изучение жизни души – научиться овладеть ее силами и выстроить благодатный дом, куда и может войти Утешитель Благий, и мы бы всем сердцем зывали: Аллилуиа, - вот путь к любви, которая одна способна выполнить столь трудную задачу, и к «теплоте человеческого общения» привлечь осмысленность радости благодати.

Закончить хотелось бы таким сюжетом:

У дороги стоят два монаха и держат плакат:

- Люди! Остановитесь, вы можете погибнуть!

Подъезжает джип, открывается окно и они слышат:

«Слушайте, вы, религиозные фанаты! Как вы надоели!» - окно закрывается и он уезжает.

Через некоторое время раздается взрыв, грохот и прочие, соответствующие данному моменту, шумы...

Тогда один монах поворачивается к другому и говорит:

- «Может быть надо было просто написать, -

«МОСТ РАЗОБРАН»?

Хочется надеяться, что наше с вами желание
познать Слово Божие -
будет не просто красивым плакатом
с непонятными призывами,
а увенчается делом,
которое действительно
способно
помочь.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ 1

Поступок

Сестры

Возражения

«Уходи из монастыря!»

«Вы - худшие из людей!»

Жизнь обители

Антимир

Природа и Дух Божий

Попытка апологии

О созидании веры

«А какой сегодня святой празднуется?»

Помощь Божия

ЧАСТЬ 2

Связь времен

Крушение идолов

О том, что непросто

Верность призванию

Радость призвания

ЧАСТЬ 3

Преодоление - Бескрайность

Светлая неделя

Прозрения ученых

Вопросы и направление

Немного о нашем поколении

ЧАСТЬ 4

Столпотворение

Исцеление

ЧАСТЬ 5

Возможное спасение. Батюшка

Юность батюшки

В Лавру

Монашество

Исповедничество

Владыка Митрополит

Благословение Святейшего

Безвременная смерть

ЧАСТЬ 6

Внутренняя жизнь

Бескорыстное служение

Легко ли прийти в монастырь?

Личность и сущность

Раз-мышления

О форме мышления

Заблуждения

О цели мышления

Особая математика

Чудо мышления

Душевность

Страх и мужество

Обидчивость и прощение

Гнев неправедный и праведный
У гнева много пены
Размышления о несправедливости
Униженность и достоинство
Духовность
Внехристианская духовность
Благословение

ЧАСТЬ 7

Суицид культуры
Татьяна
Концерты классической музыки
Авангард
Выставки
Медики хотят вырвать этику у философов
Борьба с жизнеспособностью народа
О чрезмерном милосердии (или о жизни после смерти)

ЧАСТЬ 8

Сокурсница
День славянской письменности и культуры,
или еще о славянском языке
Древнерусское пение. И чего мы лишились
Канон
Изучение Канона
О смысле Канона «Плач Богородицы»
О музыкальном решении Канона
С чесночком
Концерты

Только слеза возьмет
Послесловие
Серебряная медаль
Что Вам мнится о Христе?

ЧАСТЬ 9

Возрождение возможно
Небольшое отступление. Трагедия
Послушание
Что мешает послушанию?
Не «амвонная» любовь
О любви Христовой
Наш Старец

ЧАСТЬ 10

Направление жизни: Устав и чудо
Что такое Устав?
О необходимости Устава
Чудо Веры

ЧАСТЬ 11

Матушка Никандра
О страдании
Этапы жизни матушки Никандры
Освобождение
Мама! Не умирай!
Горе людское

ЧАСТЬ 12

Как мы пришли в монастырь
Аня и Алла
Нас судит мир
Еще об одном обете монашества
Севастийские мученики
О рождении в Духе
Дети
Почему вы меня не любите?
Мальчишки
Наша школа
Расписание
Привидения
Мы играем
Мы прыгали... в запредельное
Мы учимся
Перед лицом смерти...
Благословение
И опять проблемы...
Взросление
Великая ложь Нового Времени
Заключение